

ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕФОРМ

Крупнейшей реформой середины XVI в. была реформа центрального управления и организация приказной системы управления, просуществовавшей в России до петровских времен. В период раздробленности великий князь «приказывал» (поручал) решение дел своим боярам по мере необходимости. Быть «в приказе» означало ведать порученным делом. Одним из первых «приказов», превратившихся в постоянное учреждение, было центральное финансовое ведомство — Казна. В его организации заметную роль сыграл византийский финансист и купец Петр Ховрин-Головин, потомки которого были казначеями на протяжении нескольких поколений. Казначей ведали Денежным двором, собирали государеву подать в Москве и «дань» в Новгороде, оплачивали военные расходы и пр. Со временем из состава Казны выделились узкофинансовые ведомства вроде Большого прихода. Поземельные дела стал вершить Поместный приказ, военные дела — Разрядный приказ, суд — Разбойный приказ.

В числе первых в Москве сформировались приказы, управлявшие княжеским доменом — собственностью великокняжеской фамилии. Дворцовый приказ снабжал дворец и многочисленные царские резиденции припасами. По мере присоединения земель и появления княжеских владений на окраинах рядом с Большим дворцом в Москве появились Новгородский, Тверской и прочие дворцы. Как правило, посты дворцового и конюшего занимали представители одних и тех же старомосковских фамилий: Морозовых, позднее — Захарьиных и Челядних. Наследование приказных постов замедляло формирование приказного аппарата.

Начало переустройству приказной системы на новых основах положила организация Посольского приказа на первом году реформ. В 1549 г. «приказано посольское дело Ивану Висковатого, а был еще в подьячих». На первых порах дело казалось столь маловажным, что поручено было не боярину, не

дьяку, а лишь подьячему, низшему чиновнику. Опыт оказался удачным.

В Дворовой тетради 1552–1562 гг. записано до 50 больших и дворовых дьяков, возглавлявших главнейшие приказы, или избы. Со временем число приказов увеличилось до 80. Штат каждого приказа составляли дьяк, подьячие и писцы числом от 20 до 50 человек.

Характерной чертой системы приказного управления была чрезвычайная дробность ведомств и отсутствие четкого разграничения функций между ними. Наряду с центральными отраслевыми управлениями (Казна, Посольский, Разрядный, Поместный, Разбойный, Конюшенный, Ямской приказы, приказ Большого прихода) существовали областные приказы, управлявшие территориями отдельных земель (Тверской, Рязанский дворцы), упраздненными удельными княжествами (Дмитровский и Углицкий дворцы) и вновь завоеванными землями (Казанский дворец). Существовали также различные мелкие ведомства: Земский двор (полицейское управление столицы), московское тиунство и т.д. Не только областные дворцы, но и центральные приказы имели в своем ведении выделенные им территории. В пределах этой территории приказ собирал налоги, творил суд и расправу. К примеру, Посольский приказ осуществлял управление Карельской землей.

Первыми в состав думы вошли руководители Казенного приказа — двое казначеев и хранитель большой государственной печати — «печатник». В 60-х годах думными дьяками стали разрядный, поместный и посольский дьяки. Они постоянно присутствовали на заседаниях думы и докладывали дела.

Боярская дума контролировала деятельность приказов, периодически посылая туда окольничих и бояр. По существу, приказы стали разветвленной канцелярией думы. С образованием приказной системы Боярская дума окончательно конституировалась в высший орган государственной власти.

Важной особенностью почти всех новшеств середины XVI в. были сугубый практицизм правительственных мер, несовершенство или отсутствие у них законодательной основы. При-

казы не имели регламента, который определял бы структуру новых учреждений и порядок их деятельности.

Реформа центрального аппарата управления повлекла за собой преобразование местного управления — системы кормлений. Текст подлинного приговора думы о кормлениях отсутствует, и о его содержании можно судить только по литературному пересказу.

Незадолго до своей отставки Адашев включил в официальную летопись рассказ, ставивший целью прославить его реформаторскую деятельность. Этот рассказ окрашен в апологетические тона и требует критики.

Адашев подверг решительной критике устаревшую систему местного управления, при которой провинциальные власти, наместники и волостели кормились за счет населения. Узнав о злоупотреблениях кормленщиков, царь велел «расчинить» по городам и волостям старост, которые бы участвовали в судебных делах, и заменил прежние поборы в пользу кормленщика специальным оброком — «кормленным окупом», шедшим в казну.

В приведенном «приговоре» о кормлениях имелся один существенный пробел. Закон не уточнял, на какие города и волости распространялась реформа местного управления. Радикальная критика системы кормлений предполагала необходимость полной ликвидации устаревшей системы. Между тем из летописного текста следовало, что царь по рассмотрении вопроса о кормлениях «бояр и велмож и всех воинов устроил кормлением праведными уроки, ему же достоин по отечеству и по рододству».

Правительство приступило к ликвидации кормлений уже в самом начале 50-х годов, и именно тогда были ликвидированы крупнейшие наместничества во внутренних уездах страны (Рязанское, Костромское и др.). После взятия Казани бояре, «возжелаша богатства», разобрали доходнейшие из кормлений, а прочими кормлениями «государь пожаловал всю землю», иначе говоря, знатнейшее дворянство. Новая широкая раздача кормлений имела место в связи с первыми успехами в

Ливонской войне в 1558 г. Итак, «приговор» 1555–1556 гг. не ликвидировал систему кормлений одним ударом. Из-за противодействия бояр и знатных дворян, пользовавшихся привилегией замещать «кормленные» должности, отмена кормлений затянулась на многие годы. Перестройка органов местного управления была осуществлена в сравнительно короткий срок только на Севере, где на черносозных (государственных) землях жило малочисленное крестьянское население и почти вовсе отсутствовало землевладение дворян. Суд и сбор податей, прежде осуществлявшиеся здесь кормленщиками, перешли в руки «излюбленных голов», выбранных населением. На черносозном Севере земское самоуправление дало наибольшие преимущества не дворянам, а купцам-промышленникам и богатым крестьянам. Земская реформа в целом как бы завершила общую перестройку аппарата государственного управления на новых сословных началах.

В центральных уездах земская реформа, начатая еще в 1539 г., носила с самого начала продворянский характер. Правительство передало надзор за местным управлением губным старостам и городовым приказчикам, которых избирали из своей среды провинциальные дворяне. Губные старосты, а не наместники-кормленщики должны были теперь вершить суд по важнейшим уголовным делам. Деятельностью губных старост непосредственно руководил Разбойный приказ в Москве.

Летописный рассказ о преобразовании военно-служилой системы в 1556 г. страдает такими же противоречиями, что и повествование о кормлениях. Проблема военной службы и земельного обеспечения дворянства оказалась в центре внимания властей с первых дней реформы. В знаменитых «царских вопросах» Стоглавому собору власти впервые заявили о необходимости «уравнять дворян в землях» и обеспечить разоренных «недостатальных» дворян. «И то бы приговорити, — значилось в царских вопросах, — да поверстати по достоинству безгрешно, а у кого лишек, ино недостаточного пожаловати». Не было другого вопроса, который бы так глубоко занимал и волновал всю массу дворянства, как вопрос о земельном обеспе-

чении. Тема «дворянского оскудения» получила наиболее полное освещение в сочинениях известного публициста 50-х годов Ермолая Еразма. Его трактат «О землемерии» содержал проект всеобъемлющей перестройки системы поземельного обеспечения служилого дворянства. Целью Еразма было спасение «скудеющего» мелкого дворянства и вместе с тем облегчение участи крестьян — «ратаев». Еразм добивался того, чтобы дворяне несли воинскую службу в строгом соответствии с размерами их земель. Для этой цели правительство должно было произвести всеобщее «землемерие».

Для Еразма характерно живое сочувствие нуждам крестьян. Адашев стремился провести военно-административные реформы, отвечавшие интересам дворян в первую очередь. Однако идеи Ермолая Еразма не были чужды Адашеву. Следы их влияния можно обнаружить в летописном рассказе о реформе военно-служилой системы в 1556 г. Согласно этому рассказу, «приговор» о службе должен был воплотить в жизнь идею уравнивания дворян в земельных владениях: «Посем же государь и сея расмотри: которые велможы и всякие воины многими землями завладели, службою оскудеша, не против государева жалования и своих вотчин служба их, — государь же им уравниания творяше: в поместьях землемерие им учиниша, комуждо что достойно, так устроиша; преизлишки же разделиша неимущим».

Перед нами литературная версия, а не подлинный текст закона. Тщетно мы стали бы искать в нем ответ на вопрос, какие поместные оклады служили основой уравнительного «землемерия» и как определялись «излишки» у вельмож, «оскудевших службой».

Из дальнейшего летописного изложения можно заключить, что реформа свелась к очередному генеральному смотру дворянского ополчения, во время которого служилые люди и «новики» получили положенные им поместные оклады, а «нетчики» лишились своих земельных владений. Среди землевладельцев, лишившихся «преизлишков», были, конечно, не одни «вельможи». Кроме них, пострадали вдовы, малолетние дети дворян, разоренная мелкота, «избывшая службы».

Проект уравнильного «землемерия» был самым радикальным из всех проектов Адашева. Но на практике его осуществление, по-видимому, не привело к решительному перераспределению земель между «вельможами» и «простыми воинниками». Реальное значение реформы состояло в другом. Власти приравнивали вотчины к поместьям в отношении военной службы. Не только помещики, но и вотчинники теперь должны были отбывать обязательную военную службу и выходить в поход «конно, людно и оружно». С каждых 150 десятин пашни землевладелец выводил в поле воина в полном вооружении.

Боярская книга 1556 г. свидетельствует, что нормы службы с земли, обозначенные в летописном отчете Адашева, носили реальный характер. Примечательно, что при определении норм службы власти приняли за исходную норму оклад в 100 четвертей «доброй» земли. Помещики, имевшие меньший оклад, вообще не обязаны были выставлять в поход боевых холопов. Вотчинники получили право на поместье наряду с прочими служилыми людьми, вследствие чего принцип обязательной службы был распространен на все категории землевладельцев. Поместная система уравнила всех дворян в отношении службы.

При анализе реформы службы надо иметь в виду, что Россия не имела ученого «сословия» правоведов и развитой юриспруденции. Законодательные функции Боярской думы и приказных ведомств были ограничены. Источником закона было не право, а монаршая воля. Летописный отчет о реформе службы снабжен заголовком «О рассмотрении государском». Реформа опиралась не на закон с четко разработанными юридическими нормами, а на царские предначертания. Предоставление поместий служилым людям имело вид царской «милости» или царского «пожалования».

Военная реформа, как полагают, укрепила вооруженные силы России. Такая оценка требует существенной поправки.

В Древней Руси удельные князья и богатые бояре держали собственные дружины и пользовались правом отъезда. С образованием единого государства система организации этих военных сил претерпела перемены. Сами князья и бояре на-

всегда утратили право отъезда, а их военные свиты в XVI в. стали комплектоваться по общему правилу из несвободных людей — холопов.

Помещики держали холопов двух категорий. Страдники — пашенные мужики — пахали землю на господина. Боевые холопы несли службу. Землевладельцы вооружали их, предоставляли боевого коня, запас продовольствия в поход. При этом слуга должен был дать господину долговую расписку, или кабалу, на сумму, в которую оценивалась стоимость предоставленного имущества. Боевые слуги начала XVI в. были старинными и полными холопами, слуги второй половины века — кабальными людьми.

В середине XVI в. очевидцы отметили факт разорения мелкопоместного дворянства. Богатые землевладельцы пускались во все тяжкие, чтобы заполучить в свою вооруженную свиту опытных воинов из числа выбывших со службы детей боярских.

Иван Пересветов отстаивал право «воинников» — детей боярских на вольную службу государю. Но власти остались глухи к советам такого рода. Поддержание боеспособного дворянского ополчения было в глазах правительства первоочередной задачей, а потому интересы разоренной служилой мелкоты были принесены в жертву интересам знати и дворян, которые могли нести службу в тяжеловооруженной коннице и содержать боевых холопов.

Указ 1558 г. подтверждал законность всех служилых кабал на сыновей дворян (детей боярских) старше 15 лет, не находившихся на царской службе. Чем определялась такая позиция правительства? Чтобы вернуть оскудевшего дворянина на цареву службу, казне надо было затратить большие средства: обеспечить воина помещьем, экипировать в поход. Но был и другой выход. Ратника мог снарядить состоятельный землевладелец, ссудивший ему деньги под кабалу. Закон определял пятнадцатирублевый максимум, то есть максимальную сумму долга кабального. На эти деньги можно было полностью вооружить всадника. Ценою свободы сын боярский, лишившийся доходов, получал возможность вернуться на военную службу.

Боевые холопы получали служную пашню и пахали ее на себя. Служная пашня была принадлежностью поместья — государственного имения, что и определило характер службы военных холопов. Господство государственной земельной собственности привело к тому, что служба боевых холопов утратила характер частной службы и приобрела вид государственной повинности. В ходе реформы власти ввели в середине XVI в. принцип государственной регламентации военной службы холопов.

Государев двор изучают обычно как структуру, объединявшую верхи дворянства. Но такой подход явно недостаточен, поскольку не учитывает важную особенность. Как боевая единица, Государев двор включал, кроме знати, и многочисленное войско из воинов-рабов. Значительную часть их составляли разорившиеся помещики. По примерным подсчетам, 25-тысячное конное дворянское ополчение в XVI в. сопровождало не менее 20–30 тысяч боевых холопов. Это обстоятельство не могло не сказаться на надежности армии — главной опоры монархии.

Таким образом, реформа службы, упрочившая вооруженные силы государства, в то же время подготовила почву для гражданской войны начала XVII в.

При Адашеве завершилось формирование московской военно-служилой системы. Аристократия представляла верхушку правящего сословия, тогда как основную его массу — несколько десятков тысяч человек — составляли городовые дети боярские, владевшие небольшими поместьями. Низшее дворянство не имело единой для всей страны организации наподобие Государева двора. Без сомнения, мелкое городовое дворянство поддерживало более тесные связи с верхами своего уезда, чем с низшим дворянством других уездов и земель.

Будучи разобщены между собой, уездные дети боярские находились в прямой зависимости от центральной власти. Зарождение самодержавия в России было тесно связано с формированием военно-служилого сословия. Но централизация власти носила незавершенный характер. Традиционное мне-

ние сводится к тому, что монарх проводил централизаторскую политику, опираясь на мелкое дворянство, тогда как боярская знать противилась централизации. Пересмотрев этот вывод, историки заключили, что в XVI в. «нельзя усмотреть «децентрализаторские» тенденции, стремление воскресить времена феодальной раздробленности ни у одной из групп княжеско-боярской знати. Речь может идти лишь о борьбе за различные пути централизации» (А.А. Зимин). Такая точка зрения вызывает сомнения.

Русская монархия нуждалась в поддержке аристократии и дворянского сословия в целом. Она пользовалась такой поддержкой. Источником же коллизий внутри господствующего сословия в XVI в. был не абстрактный принцип централизации (в политическом сознании того времени он вообще не получил отражения), а вполне реальная проблема, четко сформулированная современниками. Власть московских государей настолько усилилась, что они пытались ввести в стране самодержавные порядки. Однако знать пользовалась большим влиянием и всеми силами противилась самодержавным поползновениям монархии.

На дворянских смотрах середины XVI в. была установлена единая система поместных окладов для всех или большинства членов военно-служилого сословия России.

Россия унаследовала налоговую систему от времен раздробленности. В каждой земле существовали свои подати и повинности, соответствовавшие традициям. В итоге реформы власти добились единообразия в налогах.

Преобразования отвечали потребностям развития Российского государства. Реформы проводились под эгидой Боярской думы и разрабатывались в ее канцеляриях — приказах. Итоги реформ не могли удовлетворить таких дворянских писателей, как Пересветов. Он требовал полной отмены местничества, но эта мера была осуществлена лишь через сто лет. Проекты «землемерия» — перераспределения земель в пользу оскудевшего дворянства — в значительной мере остались на бумаге.

С образованием приказной системы в России народилась бюрократия. Дьяки в массе своей были преимущественно выходцами из низшего дворянства. Но бюрократия постоянно пополнялась способными людьми из «всенародства» — поповских детей, грамотных торговых мужиков и пр. Служилая бюрократия XVI в. была даровита.

Перед ней раскрылись двери Боярской думы. Дети боярские, которые «живут в думе», и думные дьяки стали играть все более видную роль в жизни государства. Дворяне появились на сословных совещаниях, со временем получивших название Земских соборов.

Какое участие в проведении реформ принимал Иван IV? Чтобы ответить на этот вопрос, надо иметь в виду, что годы реформ были для царя Ивана годами учения. Достигнув совершеннолетия, царь на первых порах оказался неподготовленным к роли правителя обширного государства и должен был на много лет подчиниться воле избранных им наставников. В юные годы Иван не получил систематического образования, зато в зрелом возрасте поражал близких к нему людей своими обширными познаниями. После 34 лет Грозный занялся литературным трудом и стал едва ли не самым плодовитым писателем своего времени. Писания Ивана свидетельствовали о его уме и начитанности. Однако ни одно царское сочинение не сохранилось в оригинале. Более того, никому еще не удалось обнаружить хотя бы одну строку, написанную его рукой, хотя бы один документ, скрепленный его подписью. Однако этот факт сам по себе не имеет существенного значения. Традиции Московского государства, выросшие из безграмотности первых московских князей, воспрещали государю подписывать какие бы то ни было документы, включая собственное духовное завещание. Обычай этот свято чтили и в XVI в. Но с некоторых пор внешние влияния пробили брешь в спасительных устоях старины. Бабка Грозного — византийская царевна Софья — воспитывалась в Италии, славившейся своими успехами на ниве просвещения и искусств. Она явилась в Москву в сопровождении целой

толпы итальянских медиков, архитекторов и мастеров. Софья не могла не заботиться об образовании сына. При случае Василий III посылал жене Елене собственноручные записочки, так что сомнений в его грамотности не возникает. Но Василий III из уважения к обычаям предков не утруждал себя письмом. Даже Борис Годунов, скреплявший грамоты своей рукой смолоду, перестал подписывать бумаги, взойдя на трон. Лишь Лжедмитрий не скупился на автографы, но он жестоко поплатился за пренебрежение к московской старине.

Отсутствие автографов Грозного ни в коей мере не может служить свидетельством его неграмотности. Современники не ставили под сомнение ученость и литературные таланты первого царя. Они называли его ритором «словесной мудрости» и утверждали, что он «в науке книжного поучения доволен и многоречив зело». Бывший друг царя, а потом злейший его враг князь Курбский, сражаясь с ним с помощью библейских цитат, иногда обозначал лишь первые стихи Священного Писания, полагаясь на знания своего корреспондента. «Последующие стихи умолчу, — писал в таких случаях Курбский, — ведающе ты Священного Писания искусного».

Испытав влияние осифлян, Иван стал проявлять пристальное внимание к внешней обрядовой стороне религии. «Красное» церковное пение воспитало в нем любовь к музыке. Иван охотно пел в церковном хоре, состоящем из государевых певчих. Сразу после побега Курбского за рубеж царь отправился в Переяславль-Залесский, где дирижировал «станицей» хора при освящении Никитского собора.

От природы Грозный обладал художественной натурой. Он не только пел, но и сочинял музыку. Ноты в те времена записывали крюками. Царские стихиры (песнопения) на день представления московского чудотворца митрополита Петра и в честь Владимирской Божьей Матери хранились в библиотеке Троице-Сергиева монастыря с пометой: «Творение царя Иоанна деспота Российского». Монарх охотно приглашал в Александровскую слободу самого известного в его время композитора Федора Христианина.

Особый интерес монарх питал к историческим сочинениям. На них он не раз ссылаясь в речах к иностранным дипломатам и думе. Венецианского посла Джерио поразило близкое знакомство Грозного с римской историей. Допущенный в царское книгохранилище, ливонский пастор увидел там сочинения греков античной поры и византийских авторов.

С конца 40-х годов Ивана захватили смелые проекты реформ, взлелеянные передовой общественной мыслью. Но он по-своему понимал их цели и предназначение. Грозный рано усвоил идею божественного происхождения царской власти. В проповедях пастырей и библейских текстах он искал величественные образы древних людей, в которых «как в зеркале старался разглядеть самого себя, свою собственную царственную фигуру, уловить в них отражение своего блеска и величия» (В.О. Ключевский). Сложившиеся в его голове идеальные представления о происхождении и неограниченном характере царской власти, однако, плохо увязывались с действительным порядком вещей, обеспечивавшим политическое господство могущественной боярской аристократии. Необходимость делить власть со знатью воспринималась Иваном IV как досадная несправедливость.

В проектах реформ царю импонировало прежде всего то, что их авторы обещали искоренить последствия боярского правления. Не случайно резкая критика злоупотреблений бояр стала исходным пунктом всей программы преобразований. Грозный охотно выслушивал предложения об искоренении боярского «самовольства». Такие предложения поступали к нему со всех сторон. Чтобы ввести «правду» в государстве, поучал царя Пересветов, надо предавать «лютной смерти» тех еретиков, которые приблизились к трону «вельможеством», а не воинской выслугой или мудростью. Пересветову вторил престарелый осифлянский монах Вассиан Топорков. Его советы, по мнению Курбского, подготовили почву для последующих царских гонений на бояр. Фамилия Топорков дала Курбскому повод для мрачного каламбура. «Топорок, сиречь малая секира, — говорил он, — обернулся великой и широкой секирой,

которой посечены были благородные и славные мужи по всей Великой Руси».

Советы «править с грозой» пали на подготовленную почву, но царь не мог следовать им, оставаясь на позициях традиционного политического порядка. В этом и заключалась конечная причина его охлаждения к преобразовательным затеям.

Дворянские публицисты и практически все без исключения дельцы рисовали перед Грозным заманчивую перспективу укрепления единодержавия и могущества царской власти, искоренения остатков боярского правления. Но их обещания оказались невыполненными. На исходе десятилетия реформ Иван пришел к выводу, что царская власть из-за ограничений со стороны советников и бояр вовсе утратила самодержавный характер. Сильвестр и Адашев, жаловался Грозный, «сами государилися, как хотели, а с меня есте государство сняли: словом яз был государь, а делом ничего не владел».

В своих политических оценках Иван следовал несложным правилам. Только те начинания считались хорошими, которые укрепляли единодержавную власть. Конечные результаты политики правительства реформ не соответствовали этим критериям.

Царь кончил тем, что отрекся от реформ, над осуществлением которых он трудился вместе с Адашевым в течение многих лет. Разрыв с советниками стал неизбежным, когда к внутриполитическим расхождениям добавились разногласия в сфере внешних дел.

ВОЙНА ЗА ЛИВониЮ

После покорения Казани Россия обратила свои взоры на Запад. Она испробовала силу оружия в короткой войне со шведами (1554–1557) и под влиянием первого успеха выдвинула планы покорения Ливонии и утверждения в Прибалтике.